

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- Российский научный журнал
- ISSN 2078-7081
- РИНЦ
- Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- Чешский научный журнал
- ISSN 2336-2642
- Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- Широкий спектр тем международных конференций
- Издание сборника в Праге
- Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

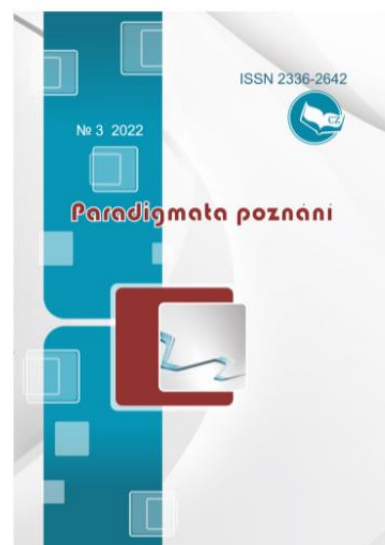
СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank

CLASSICAL AND CONTEMPORARY LITERATURE: CONTINUITY AND PROSPECTS OF UPDATING

Materials of the VI international scientific conference
on November 7–8, 2021

Prague
2021

Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: materials of the VI international scientific conference on November 7–8, 2021. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2021. – 33 p. – ISBN 978-80-7526-553-1

ORGANISING COMMITTEE:

Vasily V. Lipich, doctor of philological sciences, professor of Belgorod State University.

Nataliya V. Zayats, candidate of philological sciences, assistant professor of Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines classical and contemporary literature. Some articles deal with perception, analysis and interpretation of the artistic text. A number of articles are covered the search for new forms in contemporary literature. Some articles are devoted to eternal values in art and literature. Authors are also interested in language and style of modern Russian literature.

UDC 82

ISBN 978-80-7526-553-1

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2021.
© Group of authors, 2021.

CONTENTS

I. REFLECTION OF THE PAST IN THE LITERATURE THROUGH THE PRISM OF MODERNITY

Казак Ю. А.

Драматычная паэма А. Куляшова “Хамуціус”: сістэма вобразаў 5

II. ARTISTIC TEXT: PERCEPTION, ANALYSIS AND INTERPRETATION

Чертко А. А.

Літаратуроведчыя і языковыя асаблівасці рэпрэзентацыі тэмы
безумія вайны ў расказе Л. Н. Андреева «Красный смех» 7

III. NEW TO THE INTERPRETATION OF THE ARTISTIC IMAGE

Сироткина Т. А.

Этнічныя выявы ў сучаснай рускай літаратуры
(на матэрыяле романа А. Иванова «Тобол») 11

IV. MODERN LITERATURE: THE STUDY OF TOPICAL ISSUES

Гранкина Е. В.

Ізображэнне дзяцтва як траўмы ў романа О. Гапеевай «Кэмэл-Трэвэл» 15

V. ETERNAL VALUES IN ART AND LITERATURE

Волчёнкова П. Б., Крестников Д.

Форміраванне ўспешнага іміджа школьніка праз мір
рускіх народных казак..... 19

VI. RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF WORLD CULTURE

Беленов Н. В.

Руская гісторыка-геаграфічная літаратура XVI–XVIII веков
як крыніца па топаніміі Самарскага Поволж'я 22

VII. THE LANGUAGE AND STYLE OF MODERN RUSSIAN LITERATURE

Жажева Д. Д., Жажева С. А., Хапачева С. М., Шхахутова З. З.

Реализация языковой компетенции при обучении фразеологическим
единицам на уроках русского языка 24

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2021–2022 годах.....28

Информация о научных журналах 30

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 31

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 32

I. REFLECTION OF THE PAST IN THE LITERATURE THROUGH THE PRISM OF MODERNITY

ДРАМАТЫЧНАЯ ПАЭМА А. КУЛЯШОВА “ХАМУЦІУС”: СІСТЭМА ВОБРАЗАЎ

Ю. А. Казак

*Магістрантка,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
г. Мінск, Беларусь*

Summary. The images of heroes in A. Kuliashou's dramatic poem "Hamutsius" are analysed. The article defines the motives of the protagonist's activity. The question of the expressive possibilities of the genre "dramatic poem" is considered.

Keywords: A. Kuliashou; dramatic poem; Kastus Kalinowski; Hamutsius.

Драматычная паэма “Хамуціус” (1975), прысвечаная Кастусю Каліноўскаму, стала апошнім ліра-эпічным творам А. Куляшова. Прызнаны майстар паспяхова выкарыстаў выяўленчыя магчымасці жанру, прапанаваўшы ўласныя мастацкія партрэты вядомых гістарычных асоб. Драматычная паэма – гэта сінтэз трох літаратурных пачаткаў: драматычнага, лірычнага і эпічнага. Як вядома, асаблівасцямі драматычных жанраў з’яўляюцца дынамізм і напружанасць сюжэта. Але “Хамуціус” не зусім адпавядае гэтым крытэрыям: ідэйны змест, шырыня праблемнага дыяпазону пераважаюць над дынамізмам падзей, што ўзмацняе ліра-эпічны пачатак паэмы.

А. Куляшоў удала скарыстаў магчымасць раскрыцця характараў, уласцівую драматычным творам. Найперш гэта праяўляецца ў паказе вобраза галоўнага героя – Хамуціуса, Кастуса Каліноўскага. На першы погляд можа здацца, што Каліноўскі ў паэме паўстае ў рамантычным святле. Але, улічваючы значнасць асобы і дзейнасці кіраўніка паўстання, можна меркаваць, што герой паказаны аб’ектыўна, у адценні рамантычнага пафасу – традыцыйная адзнака твора на гістарычную тэматыку. Паэма адлюстроўвае накіраванасць дзейнасці Кастуса Каліноўскага, яго блізкасць да народа, да сялян, падкрэсленую самой назвай твора.

У паэме Каліноўскі паўстае як рашучы, мэтанакіраваны, адданы справе кіраўнік паўстання. Ён захоплены абранай мэтай, але ведае пра складанасць абставін і ўсведамляе магчымыя пагрозы. “Каліноўскі вельмі цікавы не толькі ў ярасных сутычках з лагерам “белых” (Віктор Старжыцкі, Гейштар), дзе пануе згодніцтва з царскімі сатрапамі, але і там, дзе ад першай рэакцыі пачуццяў ён раздумна, як філосаф уздымаецца да вялікіх чалавечых і сацыяльных ісцін” [1, с. 454]. Ён разважлівы, кіруюцца не сляпой прагай справядлівасці, а лагічнымі роздумамі, не пазбаўленымі

філасафічнасці. Яго назіранні маюць агульначалавечую значнасць, не прывязаны да пэўнай краіны або нацыі. Каліноўскім рухаюць філантрапічныя і гуманістычныя памкненні.

Звышнатуральная непакіснасць Каліноўскага кампенсуецца праз увядзенне аўтарам у твор трызненняў галоўнага героя. Яны выкрываюць яго жаданні і страхі, набліжаюць гераічны вобраз да звычайнага чалавека, якому ўласцівы натуральныя чалавечыя пачуцці. Сам Каліноўскі тлумачыць гэтыя трызненні як “Хвароба... Нервы... Нечканы ўдар”. Выкарыстанне снабчанняў – удалы прыём для раскрыцця ўнутранага стану героя без парушэння фабулы твора.

Падчас аднаго з такіх удараў да Каліноўскага прыходзіць Юрась Старжыцкі, удзельнік папярэдняга паўстання. Каліноўскі абвінавачвае яго ў тым, што той не падрыхтаваў глебу для працягу справы, распачатай яшчэ ў 1830–1831 гадах. Кульмінацыйнае трызненне адбываецца ў ноч перад пакараннем. Гэтае снабчання выконвае футуралагічную функцыю: Малады Чалавек распавядае, што адбудзецца на світанні, і яго маналог становіцца альтэрнатывай сцэны непасрэднага пакарання.

У паэме “Хамуціус” важную ідэйна-эстэтычную ролю адыгрывае вобраз Марыскі. Ён, як і трызненні, насычае натуральнымі чалавечымі пачуццямі вобраз Каліноўскага, якому “з яго выбухам сацыяльных пачуццяў патрэбна своеасаблівая антытэза ў інтымным вобразе” [1, с. 455]. Падчас прыняцця рашэнняў галоўны герой кіруецца не толькі інтарэсамі рэвалюцыі, але і жаданнем аб шчасці каханай.

Падкрэсліваючы сапраўднасць высокіх пачуццяў паміж заручанымі, А. Куляшоў у эпілогу паказвае Марыску манашкой, якая не верыць у смерць каханага і спадзяецца знайсці яго сярод байцоў Парыжскай Камуны. Такім чынам, вобраз Марыскі ўвасабляе вечную памяць аб Каліноўскім і яго справе. У рэальнасці ж Марыя Ямант, нарачоная Каліноўскага, да 1874 года знаходзілася ў сібірскай высылцы, пасля якой вярнулася на радзіму, потым пераехала ў Варшаву і стала жонкай былога паўстанца Генрых Дмахоўскага [2].

Такім чынам, драматычная паэма “Хамуціус” – гэта не толькі спроба звароту да гістарычнага мінулага і да вобраза славутай асобы, але і ўдалы вопыт сінтэзу жанраў і выкарыстання іх асаблівасцей. Пазнака “драматычная” ў вызначэнні жанру твора прадвызначыла яго форму, дазволіла раскрыць характары ў дзеянні, паказаць чалавека ў крытычнай сітуацыі.

Бібліяграфічны спіс

1. Арочка, М. М. Аркадзь Куляшоў / М. М. Арочка // Гісторыя беларускай літаратуры XX ст. : у 4 т. – Мінск, 2001–2015. – Т. 3 : 1941–1965. – 2-е выд. – 2002. – С. 416–456.
2. Герасимчик, В. Кастусь Калиновский и Марыся Ямонт: история любви // Наша ніва. – Рэжым доступу: <https://m.nn.by/ru/articles/164901/>. – Дата доступу: 20.10.2021.
3. Куляшоў, А. Дарогі : вершы, паэмы / А. Куляшоў. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 317 с.

II. ARTISTIC TEXT: PERCEPTION, ANALYSIS AND INTERPRETATION

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМЫ БЕЗУМИЯ ВОЙНЫ В РАССКАЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА «КРАСНЫЙ СМЕХ»

А. А. Чертко

*Магистрант,
Белорусский государственный
педагогический университет
имени М. Танка,
г. Минск, Беларусь*

Summary. This article observes the linguistic and literary representation of the phenomenon of war madness on the example of L. Andreev's story «Red Laughter». The fusion of clinical and moral madness as a reaction to the socio-political conditions of the early twentieth century is considered. The role of using key messages of the text and literary methods of reflecting the ideas of the author's pacifism are described.

Keywords: the phenomenon of madness; horror; war; representation.

XX век для человечества (и России, в частности) стал одним из самых трагических временных отрезков в истории. Это объясняется социально-политическими событиями и катастрофами: мировыми войнами, общественными катаклизмами, установлением режима тоталитаризма во многих странах социалистического лагеря. Литература и искусство стали полем изображения и осмысления происходящего. Писатели стремились отыскать причины обесценивания человеческой жизни, размышляли о дальнейшем существовании людей, прошедших испытание войной, изучали деформации человеческого сознания и особенности нового мироощущения.

Одна из тем, ставшая объектом научного познания в XX веке – тема безумия. Феномен безумия «можно назвать полидискурсивным. Он концептуализируется и используется разными культурами, становится объектом исследования в многочисленных научных дисциплинах: литературоведении, лингвистике, философии, психологии» [3, с. 318].

Так, в рассказе Л. Андреева «Красный смех» (1904) безумие становится метафорой ужаса войны и насилия. Безумие в произведении воплощено не только в описании клинических проявлений сумасшествия, вызванного эмоциональными потрясениями и страданиями, но и в поведении людей, которые разжигают войны. Автор создает образ абстрактной войны, однако понятно, что «Красный смех» – это отклик на Русско-японскую войну, оказавшую большое влияние на внутреннее состояние прозаика. Для Л. Андреева война – это нарушение не просто общественно-

политического порядка, но и основ человеческого бытия, разрушение самой жизни.

Для репрезентации феномена безумия автор использует «лексические микроструктуры ключевых высказываний в тексте» [2, с. 101]. Уже первые слова рассказа («...безумие и ужас» [1]) показывают читателю, что хаос смерти и страха заполнил все художественное пространство. Таким способом Л. Андреев формирует представление об основных понятиях произведения, задает ведущую тему. Сочетание «...безумие и ужас» стоит в «сильной текстовой позиции» [2, с. 102] – в начале текста, от остального повествования отделяется абзацем. Не случайно эта фраза встречается и в начале третьего отрывка, усиливая эмоциональную характеристику создаваемых событий. Отметим особенности невербального выражения дисгармонии в рассказе Л. Андреева: текст делится на отрывки, что символизирует отсутствие целостности, законченности, ставит под сомнение наличие единой логичной (разумной) структуры произведения.

Синтаксической особенностью становится использование автором предложений, начинающихся и заканчивающихся многоточиями, что создает ощущение недосказанности, обрывистости мысли. В вышеупомянутом выражении «...безумие и ужас» не хватает субъекта действия, который бы определялся этим состоянием. Этот эллипсис восстанавливается в процессе чтения: контекстуально подлежащим, «производителем» состояния безумия и ужаса становится война. Война – третье ключевое слово рассказа, война – это безумие и ужас. Обозначенные лексические единицы встречаются в тексте в различных формулировках: *Отрывистый и ломаный звук метался, и прыгал, и бежал куда-то в сторону от других – одинокий, дрожащий от ужаса, безумный* [1]. Художественный прием использования основополагающих ключевых выражений позволил Л. Андрееву аккумулировать смысл рассказа в нескольких словах, сосредоточить внимание читателя на ведущих образах, создать атмосферу безумия.

Красный смех – символ кровавой земли, кровавой войны, кровавого заката и, как кажется, всего мира, наполнившегося чувством войны и безумия: *Теперь я понял, что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле, этот красный смех!* [1]. Красный цвет становится своеобразным лейтмотивом данного произведения и может соотноситься с цветом крови: в первой части рассказа главный герой не раз отмечает его в описании окружающих людей и природы: *[...] лицо его было окрашено в тот же красный призрачный цвет крови, превратившейся в воздух и свет* [1]; *[...] как будто стонал красный воздух, как будто стонали земля и небо...* [1]. У героев произведения нет имен. Этот факт можно интерпретировать с разных точек зрения: с одной стороны, отсутствие номинации может усиливать эффект абстрактности происходящего, что показывает ответственность всего человечества за разрушительные последствия войны; с другой – человек на войне, даже если он напрямую не

участвует в военных действиях, перестает ощущать внутреннее «я», становится частью кровавого целого, его мысли связаны лишь с ужасами войны, безумие становится доминантой коллективного сознания.

В произведении можно выделить две категории безумцев. Первая категория – это люди психически здоровые, но ненормальные с точки зрения вековых неоспоримых правил жизни. В таком изображении Л. Андреев использует маскарадную традицию, когда человек теряет свою истинную сущность и превращается в управляемую куклу. Такими можно назвать солдат, являющимися марионетками в руках власти, убивающих по принуждению. Солдаты с потерей внутреннего «я» теряют и свое прошлое, привычный уклад жизни.

Война, по Л. Андрееву, возвращает человека к первобытному состоянию и первобытным ценностям, вызывает процесс деградации. Автор придает некоторым персонажам зооморфные очертания, показывая их инстинктивное поведение. Потенциальных солдат в 13 отрывке писатель изображает как столпотворение безумцев: *Их вели на войну, и они шли, повинясь штыкам, такие же невинные и тупые, как волы, ведомые на бойню* [1]; апогеем данного перевоплощения становится описание солдата вражеской стороны: *Он был раздет почти догола, избит, исцарапан и голоден, как животное; он весь зарос волосами, как заросли и мы все, и был похож на дикаря, на первобытного человека, на обезьяну. Он размахивал руками, кривлялся, пел и кричал и лез драться* [1]. Л. Андреев использует широкий спектр художественных средств и сравнений для изображения отстраненности человека от себя, герои выходят за грань нормального: *Мертвые, те лежали спокойно, а мы двигались, делали свое дело, говорили и даже смеялись, и были – как лунатики* [1]; [...] *все показались ему похожими на пьяных...* [1].

Война делает из людей убийц не только вражеских войск, но и самих себя. Этой идеей автор акцентирует мысль о деструктивном, разрушительном влиянии насилия на весь мир. Художественное воплощение такое видение войны обретает в символическом изображении уничтожения братских войск друг другом: *Что-то произошло, что-то затемнило взоры, и два полка одной армии, стоя в версте один против другого, целый час взаимно истребляли друг друга, в полной уверенности, что имеют дело с неприятелем* [1].

Вторая категория безумцев – душевнобольные люди, которые не смогли выдержать всей бессмысленности и абсурдности войны. С развитием действия текст наполняется все большим их количеством, к концу событий это явление становится массовым. В первой части рассказа Л. Андреев изображает встречу героя с врачом, который грезит о том, чтобы весь мир стал сумасшедшим домом. Доктор – первый человек, разделяющий с главным героем понимание образа красного смеха. Можно сделать вывод, что данный образ есть индикатор сумасшествия, поскольку очевидно, что врач пребывает в состоянии психической болезни: *Он уже*

кричал, этот сумасшедший доктор... [1]. Однако сумасшествие не становится признаком нравственной деградации, скорее, наоборот: после рефлексии войны человек нравственный не может оставаться психически здоровым; болезнь в данном случае – признак чуткости, закономерный финал «настоящего» человека.

Конец произведения – метафора катаклизма, когда весь мир погрузится в хаос и заполнится красным смехом, трупами, смерть станет единственной жительницей и хозяйкой: [...] и скоро правильные ряды бледно-розовых мертвых тел заполнили все комнаты [1]; [...] за окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех [1]. Красный смех впервые в произведении пишется с прописной буквы. Можно предположить, что в час полного безумия и победы войны над человечеством он персонализируется и облачается в физическую составляющую.

Таким образом, глубокие переживания и предостережения, связанные с безумием войны, отразились в рассказе Л. Андреева, где клиническое и нравственное безумие тесно переплетены между собой. Главной мыслью автора становится идея пацифизма. Для усиления читательского восприятия на уровне лексики писатель использует ключевые высказывания, на уровне синтаксиса – многоточия, на поэтическом уровне – деление рассказа на отрывки. Страдания, боль, смерть и бессмысленность войны воплощаются в собирательном образе красного смеха. Автор показывает, что любое насилие приводит не только к физическому уничтожению друг друга, но и личностной деградации.

Библиографический список

1. Андреев, Л. Н. Красный смех [Электронный ресурс] / Л. Н. Андреев // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1646/p.1/index.html>. – Дата доступа: 29.10.2021.
2. Кузнецова, Е. И. Языковые средства репрезентации художественных концептов в рассказах Л. Н. Андреева / Е. И. Кузнецова // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 3 (55). – С. 100–104.
3. Чертко, А. А. Трансформация фольклорного образа дурака в сказке Ю. Мамлеева «Ерема-дурак и Смерть» : литературоведческий и лингвистический аспекты / А. А. Чертко // Язык и межкультурные коммуникации : сборник научных статей / Белорус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка ; редкол. В. Д. Старичёнок [и др.]; отв. ред. В. Д. Старичёнок. – Минск : БГПУ, 2021. – С. 317–322.

III. NEW TO THE INTERPRETATION OF THE ARTISTIC IMAGE

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале романа А. Иванова «Тобол»)

Т. А. Сироткина

*Доктор филологических наук, доцент,
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут, Тюменская область, Россия*

Summary. The article examines the means of creating ethnic images based on the material of the modern writer Alexei Ivanov. It is concluded that ethnonyms in the text of the novel perform the functions of nomination of characters, creation of the historical context of the narrative, stylistic characteristics of objects, representation of the peculiarities of national culture, as a result of which, in the works of Alexei Ivanov, a picture of the multinational and multi-cultural region of Russia – Siberia – unfolds before the reader. period of its development.

Keywords: ethnic image; Alexey Ivanov; contemporary Russian literature.

В научных поисках последнего десятилетия внимание исследователей привлекла такая междисциплинарная отрасль знания, как имагология, которая ставит во главу угла изучение ментальных представлений народов о себе и своих соседях. Ключевым для современной имагологии является понятие этнообраза, конструирующее не только индивидуальное восприятие «своих» и «чужих», но и стереотипные представления и ассоциации, связанные с проблемами взаимопознания и взаимопонимания.

Интересно, на наш взгляд, изучение литературных этнообразов, поскольку они раскрывают грани не только национальной, но и индивидуально-авторской картины мира. Особенно показательно исследование этнообразов в рамках определенного регионально-культурного пространства, поскольку позволяет реконструировать не только национальную, но и региональную картину мира. Писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности.

В романе «Тобол» Алексей Иванов подробно описывает особенности быта, культуры, традиционные занятия разных этносов: «Тобольские бухарцы, которых возглавлял Ходжа Касым, летом на судах объезжали становища инородцев на Оби ниже устья Иртыша и покупали пушнину» [1, с. 31]; «Посреди двора стояла корова; сидя на лавочке, ее доила русская

баба» [1, с. 184]. Многочисленные предметы и явления имеют в произведении А. Иванова этнические маркеры, не только выполняющие функцию реально-исторической достоверности, но и создающие национально-культурные образы. Так, этнонимные прилагательные маркируют в тексте романа:

- представителей разных этносов: «Вместе с другими вогульскими женщинами она стояла за жердяной изгородью и слушала спор» (Иванов 2018: 86); «Из-за какой-то девки остяцкой, поджигательницы, холопки, на железо грудь кидаться – это сколько ума надо?» [2, с. 260];
- особенности их внешности: «Ваня рассчитывал увидеть в зайсанге пугающего величием степного вождя, но увидел свинорожего мужика с узкими глазами; монгольские усы и бородка тонкой черной нитью опоясывали презрительно изогнутый жирный рот; накладные кожаные латы то-порщились, как шишка» [2, с. 187];
- их жилища: «Дом Нахрача ничем не отличался от других вогульских домов» [2, с. 523];
- характерные для национальной культуры обычаи и особенности поведения: «Монголы не любили оставлять указаний тех мест, где под травами спят их властелины» [2, с. 101]; «Я вижу мужество сердечное в том, что ты не утаил согрешений остяков: как они детей продают в невольники, как лечиться отказываются, как в многоженстве погрязли» [2, с. 367];
- объекты небесного пространства: «Иртыш призрачно и просторно светлел в темноте шевелящимся ледоходом, а в черном небе мерцали джунгарские созвездия, перекрещиваясь, будто следы степных колесниц, – никто не узнал их древних названий» [2, с. 353];
- особенности вероисповедания и религиозных обрядов: «Джунгары верили в Барахмана и своих покойников сжигали, бросали в степи на съедение зверям либо отправляли в Тибетские горы, в Лхасу» [2, с. 102]; «Раскольщичий мир – вторая вселенная; он всюду, он невидим, но все опутал заповедными тропами; у него везде – свои люди и свои пристанища» [2, с. 227]; «Теперь я знаю, почему вы, русские, так упрямо тащите Христа в наши леса. Вам надо, чтобы у нас была такая же сила, как у вас» [2, с. 423]; «В Сибири крещение уравнивало инородцев с русскими поселенцами» [1, с. 81].

Этнические определения имеют многие предметы быта. Не только татары в Сибири носили татарские халаты, татарские чекмени, не только китайцы пользовались китайскими веерами, не только русские, но и иностранцы ходили в треуголках и пользовались русской посудой: «Матвей Петрович выбежал, в чем спал, – в татарском халате» [1, с. 141]; «Возле ограды, гомоня и пересмеиваясь, околачивались зеваки и покупатели: приказчики, служилые, казаки-годовальщики, бухарец в татарском чекмене,

монастырский эконо́м в рясе, захлестанной понизу грязью, какие-то шныри разбойного вида» [1, с. 122]; «Довольный собою, Табберт поднялся, взял с полки хрупкий китайский веер с журавлями и розовыми цветами вишни и напоказ для Айкони начал томно обмахиваться, как дама, закатив глаза и открыв рот» [1, с. 220]; «На голове у степняка была нахлобучена русская треуголка, к груди степняк прижимал русский горшок – видимо, с кашей в дорогу» [2, с. 167]. Используемые иноземцами предметы быта не случайно маркируются автором как русские – А. Иванову важно показать неизбежное взаимовлияние и взаимопроникновение культур в условиях совместного существования, и он отражает это не только в мирных бытовых сценах, но и в сценах военных баталий, когда представители разных этносов испытывают одни и те же чувства, страдают одинаково: «Все перепуталось с сумятице, топоте и снежной пыли: руки, локти, плечи, лошадиные гривы, сабли, пики, копья, искаженные лица, шведские проклятья, русская брань и монгольские ругательства» [2, с. 302].

В романе «Тобол», как и в других исторических произведениях автора, яркую репрезентацию получают этнические стереотипы. Основная функция стереотипизированных высказываний – репрезентация оппозиции «мы (правильные) – они (неправильные)», существующей в языковой картине мира любого народа. В этом смысле герои романа, давая оценку тем или иным национальным предметам в зависимости от их качества, выражают как раз данную смысловую оппозицию: «– Возьми нашу бумагу, бухарскую. – Дрянь ваша бумага, – уверенно заявил Ремезов» [2, с. 118]; «Немецкие хоромы хлипкие! Палками подперты!» [1, с. 96]; «Крестьянские лошади, конечно, уступали джунгарским в беге, но кони степняков уже утомились за полдня» [2, с. 114].

При всей пестроте этнической мозаики, репрезентируемой автором, он отражает в «Тоболе», как и в других своих произведениях, русские национально-культурные стереотипы. Оценка героями определенных черт характера представителей других этносов (немецкой педантичности, бухарской хитрости, остяцкой наивности) воспринимается через призму авторской оценки этих качеств, в которой ярче всего реализуется оппозиция «свое – чужое». Так, например, герои романа воспринимают попытку приехавших в Сибирь немцев навести порядок во всем как вторжение на чужую территорию, в чужую жизнь: «Раньше Бухгольц вызывал у него раздражение: приперся из столицы ни с того ни с сего, никому почтения не оказал, да еще принялся переустраивать все на немецкий лад» [2, с. 40].

От названий этносов образованы многочисленные топонимы, образующие и организующие сибирское пространство романа: «Вон справа – остроугольный Чувашский мыс, вернее Почеваш, – верхний по течению Иртыша конец Алафейской гряды» [1, с. 82]. С казаками, игравшими основную роль в освоении Сибири, также связаны некоторые топонимы, например, Казачий взвоз в Тобольске: «На праздничную службу он решил-

ся пойти в Никольскую церковь, что стояла возле Орловской башни Софийского двора над Казачьим взвозом» [1, с. 139].

Этнонимы и сочетания с отэтнонимными прилагательными равномерно распределены по всему тексту романа, выполняя самые различные функции: номинации персонажей, создания исторического контекста повествования, стилистической характеристики предметов, репрезентации особенностей национальной культуры, в результате чего в произведениях Алексея Иванова перед читателем разворачивается картина многонационального и поликультурного региона России – Сибири, в которой сосуществуют (когда-то мирно, когда-то конфликтно) представители различных этносов. С помощью описания особенностей внешности, традиционной одежды, верований, занятий представителей того или иного народа через текст писателя проходит идея толерантности, взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур, которые являются основой развития данного региона как одного из интереснейших в самых разных отношениях территорий России.

Библиографический список

1. Иванов, А. Тобол: роман-пеплум. – Москва: АСТ: редакция Елены Шубиной. Книга 1: Много званых. 2017. – 703 с.
1. Иванов, А. Тобол: роман-пеплум. – Москва: АСТ: редакция Елены Шубиной. Книга 2: Мало избранных. 2018. – 827 с.

IV. MODERN LITERATURE: THE STUDY OF TOPICAL ISSUES

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕТСТВА КАК ТРАВМЫ В РОМАНЕ О. ГАПЕЕВОЙ «КЭМЭЛ-ТРЭВЭЛ»

Е. В. Гранкина

*Кандидат филологических наук, доцент,
Белорусский государственный
педагогический университет,
г. Минск, Беларусь*

Summary. The article is dedicated to the theme of childhood in a modern Belarusian novel «Camel Travel», written by Volha Hapeyeva. Peculiarities are related to the fact that the author analyses the psychological traumas she suffered during her childhood. The image of the childhood in the novel does not correspond to Paradise Lost, a frequently encountered in literature image.

Keywords: autobiographical prose; childhood; psychological trauma; reflection.

Ольга Гапеева (р. 1982) – современная белорусская писательница, автор прозаических, поэтических, драматургических произведений, которые адресованы как взрослой аудитории, так и читателям-детям, обладательница литературной премии «Экслибрис» за лучшую детскую книгу «Сумны суп» (2013), лауреат премии «Книга года» (2015) и иных литературных премий.

Роман О. Гапеевой «Кэмэл-Трэвэл» (2019) воспроизводит события из личной жизни писательницы периода ее детства, при этом авторский интерес фокусируется не только на самом событии, но и на его рефлексии, что приводит к эффекту удвоения повествовательной перспективы, так как взгляд ребенка и взгляд взрослого рассказчика являют собой симбиотическое единство.

По жанровым характеристикам «Кэмэл-Трэвэл» вписывается в канон новейшей белорусской литературы, где особую популярность обретают художественно-документальные жанры, в которых фиксируются изменения, происходящие с течением времени как с самим автором, так и с социумом. Свидетельством этому может быть творчество С. Алексиевич, романы Адама Глобуса «Сям'я», Д. Бартошика «Быў у пана верабейка гаварушчы». Т. А. Карпеева отмечает, что художественная ценность таких жанров «...определяется не только объективной стороной "non-fiction", но и субъективным фактором – личностью автора как "эго-текст"» [2, с. 1]. К категории эго-текста в художественно-документальной прозе относят, в частности, элементы автобиографизма, которые в романе О. Гапеевой становятся сюжетообразующими.

Историческим фоном романа «Кэмэл-Трэвэл» становятся последние десятилетия существования БССР и СССР. Диалектике взаимодействия Белоруссии (в романе – Беларуси [1, с. 9]) и России, как доминирующей республики в составе Советского Союза, О. Гапеева уделяет существенное внимание, образно сопоставляя это взаимодействие с русской матрешкой, суть которой в поглощении большей фигурой меньшую. Для писательницы любимой была последняя матрешка, «которая не раскрывалась и не скрипела, была гладкой и миниатюрной, как и БССР в сравнении с СССР» (здесь и далее перевод с бел. – Е.Г.) [1, с. 5]. Современное осмысление эпохи перестройки в многообразии свойственных этому периоду противоречий в определенной степени обусловили негативное отношение О. Гапеевой к своему детству. Образ детства в романе «Кэмэл-Трэвэл» далек от часто встречаемого в литературе образа детства как потерянного рая.

В изображении О. Гапеевой главными характеристиками детской жизни была ее строгая регламентация, существование системы непреложных правил и запретов, при этом главным правилом и требованием было послушание, подчинение ребенка взрослому («...в то время я слушалась всех: маму, бабушку, теток, учителей, докторов» [7, с. 21]), приоритет практичного, материального над духовным («...максимум практичности, минимум эстетики» [7, с. 57]), разумного над эмоциональным.

Основное пространство детства – это семья, дом, место, где тепло и уютно. Однако героиня романа «Кэмэл-Трэвэл» воспитывалась в неполной семье, без отца. Вероятно, этот факт должен вызвать сочувствие. Однако, как отмечает О. Гапеева, «...я совсем не переживала из-за того, что теперь папа не жил с нами. Мне не приходилось ездить к его друзьям, от которых пахло пивом, а после смотреть на то, как мама переживает и кричит, потому что мы вернулись в полночь» [7, с. 13–14]. Более того, образы отсутствующего отца, разведенных родителей в глазах окружения рассказчицы оказываются не катастрофичными, а желанными: «Дети в школе мне завидовали, потому что почти никто из них не был доволен брачными отношениями своих родителей. Почти каждый день им доводилось слушать ругань и концерты в бемольной тональности для родителей с оркестром» [7, с. 14]. Однако сама героиня ситуацию, предшествующую распаду семьи, переживала болезненно: «...по интонациям и телодвижениям я понимала, что происходит что-то трагическое, и это давалось мне непросто» [7, с. 78]. Дом превратился в клетку, из которой хотелось скорее вырваться: «...главным было как можно скорее выйти из квартиры, а куда – не имело значения» [7, с. 78].

Недовольство своей семьей, ролью в семье имеет в роду героини давние традиции. Так, примечателен эпизод разговора с бабушкой. На вопрос внучки, кем она хотела быть в детстве, та ответила: «Хотела быть мамой. Вот и стала, – безрадостно вздохнула она... Будто кто-то обманул ее,

сказав, что быть мамой хорошо, это даже может вызывать зависть, но оказалось – совсем не так» [7, с. 14]. Кризис семьи, кризис в политическом устройстве, кризис в бытовой составляющей жизни, когда не «покупали», а «доставали» [7, с. 46], кризис идеологии, например, одним из открытий для рассказчицы стало то, что на значке-звёздочке, который она носила, будучи первоклассницей, образ Ленина: «...мне и в голову не могло такое прийти, я просто носила какую-то звездочку с чем-то внутри» [7, с. 4], тотальное ощущение того, что тебя обманули – все это обусловило пессимистичность присущего героине взгляда на мир, взгляда, полярность которого ей пришлось менять еще долго после своего взросления. Не случайно одна из глав романа заканчивается описанием школьной фотографии: «...так что среди всех красивых детей в праздничных нарядах та, что выглядит черным пятном с виновато-безразличным взглядом, – это я» [7, с. 35].

Исходя из авторских воспоминаний, можно говорить о том, что у героини романа «Кэмэл-Трэвэл» было «детство без детства»: «Мама воспитывала из меня спартанца и очень не любила, когда я плакала. Она считала, что жалеть и утешать меня нельзя... Более действенной считалась фраза: "Сейчас возьму ремень, тогда будешь знать, почему ревешь"» [7, с. 29]. Так же показательно воспоминание героини об одном лете в детском спортивном лагере. Оно было «...насквозь пронизано муштрой, которой позабавлялись бы Фридрих Великий или кайзер Франц Иосиф» [7, с. 18]. Желание матери дать дочери воспитание и образование «как у всех» привело к тому, что героиня проживала «...дни и месяцы под лозунгом "ни минуты без растяжки"» [7, с. 18]. При этом сама рассказчица не чувствовала ни желания, ни особых талантов для того, чтобы заниматься гимнастикой. Не случайно О. Гапеева, описывая страх того, что во время шпагата могут порваться связки и все части тела будут «болтаться в разные стороны, независимо от моего желания» [7, с. 18], создает образ марионетки – ведомой, управляемой и одинокой. И поэтому одновременно трагичен и закономерен вопрос, рождающий комплекс вины у ребенка восьми лет: «за что?» (курсив – О. Гапеева) [7, с. 20].

Тема диалога взрослого с ребенком в романе «Кэмэл-Трэвэл» окрашена мрачными тонами. Чаще всего между этими мирами пропасть непонимания, недоверия и эмоциональной холодности. В книге появляется образ ребенка-получеловека, и пусть ситуация, в которой употреблено это обозначение, скорее, юмористическая (если у тебя зимой варежки на резинке – значит, ты «получеловек», «леди все-потеряйло-и-забывайло, иди, страдай» [7, с. 43]). Но сама возможность появления подобной номинации ребенка – симптоматична.

Не раз в романе художественное осмысление получают ситуации, в которых показана родительская черствость. Все это не остается без последствий и психологических травм, которые переживает ребенок даже после взросления: отсутствие похвалы в детстве привело к тому, что

героиня вынуждена признать: «...к любым проявлениям похвалы с того времени я отношусь подозрительно» [7, с. 56]. При этом невербальное взаимодействие со взрослым может оказаться для ребенка не менее болезненным, чем прямой разговор. В этой связи показателен эпизод с горячей водой, которую мама набирала героине для купания: «...вода была не просто горячая, а кипяток, не знаю, почему мама делала такую температуру воды... С того времени я не люблю мыться в ванне» [7, с. 50].

Таким образом, специфика изображения темы детства в романе О. Гапеевой «Кэмэл-Трэвэл» обусловлена тем, что писательница представляет этот период как пространство трагического, анализирует психологические травмы детства, от которых не излечилась и после взросления.

Библиографический список

1. Гапеева, В. Кэмэл-Трэвэл : роман / В. Гапеева. – Мінск : Галіяфы, 2019. – 104 с.
2. Карпеева, Т. А. Художественно-документальные жанры русской литературы XI–XX вв. (Генезис, жанры, поэтика) : учебно-методическое пособие / Т. А. Карпеева. – Казань : КФУ, 2013. – 93 с.

V. ETERNAL VALUES IN ART AND LITERATURE

ФОРМИРОВАНИЕ УСПЕШНОГО ИМИДЖА ШКОЛЬНИКА ЧЕРЕЗ МИР РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

П. Б. Волчёнкова
Д. Крестников

Учитель,
учащийся.
Средняя общеобразовательная
школа № 101,
г. Новокузнецк,
Кемеровская область, России

Summary. The formation of a successful image in the image of a personality has a very important role, not only in adults professionally accomplished people, but also at school age, when the process of education and formation of a personality is underway, which should not in the future face communicative failures in any life situation (in a professional and everyday communicative situation).

Keywords: successful schoolboy image; behavior model; schoolboy; personality; individuality; a communicative leader.

На сегодняшний день, наше общество находится в период глобальных перемен в системе образования, так как обучающиеся все чаще стали работать в рамках дистанционного обучения, становясь в некотором смысле более самостоятельным, формируя аналитическое восприятие окружающего мира. Таким образом, взаимодействие учителя и школьника происходит на расстоянии и требует реализации всех основных методических компонентов, с помощью которых будут реализовываться все цели и задачи образовательного процесса через реализацию современных федеральных государственных образовательных стандартов. По нашему мнению, именно в таких условиях очень важно не забыть, что **успешный имидж школьника важен для развития личности**, так как он не только будет общаться дистанционно, но и в процессе живой коммуникации (общение со взрослыми, сверстниками, в школе, на конференции, на олимпиаде, в дружеской беседе, в компании незнакомых людей согласно определенной коммуникативной ситуации и т.д.) И очень важно понять, что уже с пятого класса и тем более в дальнейшем, мы должны начинать работу над техникой создания успешного имиджа коммуниканта, который в любом обществе будет приятным собеседником и успешным коммуникативным лидером в общении. Но очень важно понять, по нашему мнению, что уже в пятом классе обучающиеся должны задумываться и вместе с учителем научно грамотно подходить к технике создания положительного имиджа личности, которая начинается с понятия «имидж школьник». На наш взгляд, пятиклассник может начинать формировать свой успешный имидж в ходе

анализа текстов русских народных сказок, так как именно данный художественный жанр дает положительный аспект в духовно-нравственном воспитании личности ребенка, где через аналитические рассуждения над образами героев обучающийся дает портретную характеристику (анализирует внешность, речевое поведение, моральные качества героев, его поступки, психологические черты характера, выделяя положительные и отрицательные качества персонажа). Таким образом, обучающийся может с симпатией относиться к тому или иному положительному персонажу, его портретному описанию и с точки зрения психологии «зеркально» эти особенности вбирать в свой образ, тем самым становиться духовно-нравственно похожим на своего героя.

Например, в сказке «Царевна-лягушка» пятиклассник может захотеть походить на мудрую Царевну-лягушку, отмечая ее незаурядные способности в делах и в коммуникации с другими персонажами, Иван-дурак часто оказывается смекалистым, умным, находчивым и духовно нравственным персонажем, который тоже может быть успешным коммуникантом, умеющим вести «деловые переговоры» с отрицательными лицами сказки. В сказке «Морозко» мы можем увидеть, как коммуникативного лидера того же Ивана, Настеньку кроткую по психологическому типу, но при этом умеющую в экстремальной ситуации проявить себя как приятного собеседника, умеющего видеть коммуникативную удачу и неудачу в общении, найти успешную модель поведения, чтобы выйти из психологически тяжелой ситуации и т.д.

По нашему мнению, можно много перечислять сказок и персонажей, но важно понять, что на основе анализа образов сказочных героев, обучающийся вольно или невольно начинает работать над своим имиджем, который позволит подчеркнуть индивидуальную незаурядность и лучшие душевные характеристики своей личности. Предполагается создание личного образа, который располагал бы к себе людей и облегчал общение с ними. Положительный имидж позволит в дальнейшем школьнику более легко и продуктивно общаться с людьми и с меньшими психофизическими усилиями добиваться жизненного успеха. Обаяние не всегда дается человеку от природы, тем не менее, оно необходимо для создания позитивного имиджа. В этом случае важно владение технологией самопрезентации, то есть умением расположить к себе, привлечь внимание, актуализируя интерес людей к каким-то своим внешним качествам [5, с. 37].

Таким образом, проанализировав ряд научных трудов (Д. И. Спичевой, Д. М. Вечедова, Е. Б. Перелыгиной, С. А. Аминтаевой и многих других), мы пришли к умозаключению, что имидж это обширное понятие, которое не имеет единого подхода к определению данного феномена, так как в научную психологию ввели Зигмунд Фрейд и Кеннет Болдуинг, в деловой оборот ввёл в 60-е годы XX века американский экономист К. Болдуинг, в России это понятие стало широко использоваться в 90-е годы XX века, когда появился спрос на профессиональное формирование ими-

джа государственных деятелей, актеров, спортсменов и многих других. Таким образом, мы согласны, что слово имидж (с фр. или англ.) означает «в буквальном переводе на русский язык – образ, облик» [6, с. 11]. Таким образом, имидж является разновидностью образа, а именно такой образ, прообразом которой является не любое явление, а субъект. Субъектом могут быть в первую очередь человек, затем организация, коллектив, группа и, наконец, любой предмет, если ему в процессе создания и восприятия его образа приписываются личностные, человеческие качества. Анализируя работы ученых (В. А. Метаевой, Г. Г. Почепцова, В. М. Шепеля и т.д.) мы смогли на первоначальном уровне определить основные составляющие имиджа школьника (морально-этические качества, деловые качества (энергичность, умение принимать правильные и быстрые решения), речевое поведение (голос, мимика, пантомимика, умение видеть пути выхода из коммуникативной неудачи и т.д.), внешность и многое другое. Данная проблематика требует дальнейшей глубокой аналитической работы в области философии, психологии, риторике, области русского языка и литературы, требуя межпредметные связи.

Таким образом, в ходе анализа научных исследований, выше указанных ученых, мы пришли к умозаключению, что формирование успешного имиджа в образе личности имеет очень важную роль и не только уже у взрослых профессионально состоявшихся людей, но и в школьном возрасте, когда идет процесс воспитания и становления личности, которая не должна в будущем сталкиваться с коммуникативными неудачами в любой жизненной ситуации (в профессиональной и повседневной коммуникативной ситуации). Таким образом, мы сделали вывод, что, начиная с пятого класса ребенок должен осваивать технику создания имиджа, который в будущем будет ориентировать личность школьника на коммуникативный успех, а значит можно с уверенностью ввести в практику понятие «**имиджа школьника**», который будет основополагающим в нашем научном исследовании.

Библиографический список

1. Вемъ А. Имидж - путь к успеху; Питер - М., 2017
2. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М.: СمارтБук, 2009
3. Панасюк А.Ю. Имидж. Энциклопедический словарь / А.Ю. Панасюк. - М.: Рипол Классик, 2007
4. Панфилова А. П. Имидж делового человека; ИВЭСЭП, Знание - М., 2018
5. Шепель В.М. Профессия имиджмейкер; Феникс - М., 2018.
6. Психология имиджа : учебное пособие / под ред. Е. Б. Перельгина. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.

VI. RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF WORLD CULTURE

РУССКАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVI–XVIII ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ТОПОНИМИИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Н. В. Беленов

*Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара, Россия*

Summary. The article examines a number of works of Russian historical and geographical literature from the point of view of its use in the work on the toponymy of the Samara Volga region. The sources of this information, their reliability, reliability and degree of applicability to toponymic studies of the region are analyzed.

Keywords: toponymy; Russian literature; historical sources; local history; Samara Volga region.

Из всех историко-географических источников, которые представляет нам русская литература XVI–XVIII веков особняком стоит «Книга Большому Чертежу» [2], исследование которой до настоящего времени ещё не прояснило ряд важнейших вопросов.

От кого могли быть получены данные сведения русскими картографами, учитывая время составления первых чертежей и историческую географию Поволжья того времени? Вероятнее всего, они были получены от ногайцев, с которыми Москва в тот период активно развивала отношения, о чём свидетельствуют обширные архивы Посольских и Ногайских «дел». Даже если сведения по гидронимии Самарского Поволжья для чертежа получены от волжских казаков, то они, вероятнее всего, восходят к ногайцам. Сохранение гидронимической номенклатуры в тюркской этноязыковой среде неизбежно должно было отразиться на фонетических особенностях её передачи. Именно этим, по всей видимости, объясняются формы гидронимов в ряде картографических и письменных источников XVI века, в частности «Samag» вместо «Samara», названия Иргиза и пр.

С начала XVII века в Самарском Поволжье начали проводиться мероприятия по межеванию земель. На раннем этапе это было, в основном, разграничение промыслово-хозяйственных объектов, принадлежавших различным монастырям, когда делились покосы, пашни, рыбные ловли, лесные угодья.

Такого же рода деятельность, с участием светских лиц, велась в окрестностях Самарской крепости. При этом большая часть левобережных земель Самарского Поволжья оставалась этим процессом не затронута,

ввиду их слабой защищённости в тот период от нападений степных кочевников и, как следствие, низкого хозяйственного значения.

Всё изменилось, когда угроза из степи была значительно купирована. Территории в Самарском Заволжье стали активно скупаться землевладельцами из Центральной России, начались целенаправленные переселения на эти земли помещичьих крестьян (параллельно шла вольная крестьянская колонизация Поволжья, что также служило веской причиной для скорейшего поведения реестризации и межевания новых земель).

Различного рода межевые книги, появившиеся на Руси с XVI века, допускали многозначные трактовки тех или иных границ, что вызывало имущественные споры, самозахват земель и создавало трудности для сборов податей в казну.

Сами планы представляют собой рисованные от руки подробные карты различного масштаба (обычно разделение планов шло по уездам), с выполненными от руки надписями и более или менее развёрнутыми примечаниями – в основном, экономического характера.

В настоящее время такие планы представляют собой бесценный источник для исследователей топонимии тех территорий, для которых они выполнялись, поскольку различные географические объекты на них с соответствующими названиями отражены с детальной точностью.

Для Самарского Поволжья из источников такого рода наибольшей известностью пользуется «Топографическое описание Симбирского наместничества» Т. Г. Масленицкого, составленное автором в 1785 году на основании статистических материалов 1780–1783 годов [1]. Труд Т. Г. Масленицкого содержит много топонимической информации, которая, в общих чертах, близка современной топонимической номенклатуре региона. Тем не менее, в ряде случаев «Топографическое описание Симбирского наместничества» представляет ценные уточнения, которые имеют первостепенное значение для путей этимологизации того или иного топонима. В качестве примера такого рода информации можно привести сведения в источнике относительно гидронима Иржа в Самарском Поволжье.

Библиографический список

1. Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирского наместничества. – Симбирск, 1785.
2. Сербина К.Н. Книга Большому Чертежу. – М.-Л., 1950

VII. THE LANGUAGE AND STYLE OF MODERN RUSSIAN LITERATURE

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМ ЕДИНИЦАМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Д. Д. Жажева	<i>Кандидат педагогических наук, доцент, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия</i>
С. А. Жажева	<i>кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия</i>
С. М. Хапачева З. З. Шхахутова	<i>кандидат педагогических наук, доцент, кандидат педагогических наук, доцент, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия</i>

Summary. The article highlights the main approaches to the implementation of language competence in teaching phraseological units, examines the views of scientists on the problem, describes pedagogical ways of implementing language competence.

Keywords: phraseology; language competence; values; semantic properties of phraseological units; nominative unit; training.

В настоящее время фразеологией, как сложной, многоуровневой отраслью решаются различные проблемы, касающиеся семантических свойств и отношений фразеологических единиц, грамматических свойств. Изучение фразеологии – актуальная проблема современной языковой науки.

Сам факт наличия в языке помимо слов целых словесных комплексов, которые иногда тождественны слову, а чаще являют собой уникальный лингвистический феномен, отличающийся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью, служит поводом к тому, чтобы исследовать этот раздел языкознания.

Значимость фразеологических единиц достаточно велика, так как они заполняют пробелы в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком новых сторон действительности, и во многих случаях является единственным обозначением предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций.

В настоящее время, когда идет процесс возрождения в духовной жизни национально-культурных ценностей и в связи с этим происходят изменения в языковой ориентации, перед образованием встает необходимость в определении новых подходов к изучению русского языка, необходимость в повышении эффективности его преподавания. В системе школьного образования именно русскому языку выпала первостепенная роль, так как благодаря освоению учащимися языка осуществляется изучение других предметов, а также развиваются познавательные способности учащихся.

В изучении русского языка большую роль играет овладение фразеологическим богатством. Без овладения фразеологизмами, пословицами и поговорками невозможно правильное понимание родной речи, как в устной, так и в письменной форме. Значение фразеологии для практического овладения языком обусловлено тем, что многие устойчивые обороты, содержащие эмоционально-экспрессивную оценку фактов, процессов, употребляясь в речи, служат коммуникативными единицами, другие, являясь номинативными единицами, порой незаменимы в обозначении явлений действительности.

Именно неразработанность проблемы изучения и активизации устойчивых оборотов в плане реализаций языковой компетенции при обучении фразеологическим единицам, повышения культуры речи и языкового развития учащихся и острая необходимость ее практического решения определяют научную и практическую актуальность темы.

Языковая компетенция рассматривается нами как психологическая система, включающая два основных компонента: данные речевого опыта, накопленного ребенком в процессах общения и деятельности; и знания о языке, усвоенные в ходе специально организованного (школьного) обучения.

Попытаемся конкретизировать содержание каждого компонента языковой компетенции. Речевой опыт включает: а) практическое владение родным языком; б) эмпирические обобщения наблюдений над языком, сделанные его носителем независимо от специальных знаний о языке.

Знания о языке, предусмотренные программами обучения, включают два основных аспекта: а) категориальные характеристики языковых единиц разных уровней; б) приемы (схемы) анализа и описания этих единиц (разные формы школьного “разбора” – фонетического, морфологического, синтаксического), составляющие элементы метазнания о языке [4].

В обучении происходят (по крайней мере, должны происходить) два процесса: 1) осмысление и преобразование речевого опыта ребенка под влиянием усваиваемых знаний о языке, 2) наполнение и конкретизация знаний о языке материалом речевого опыта.

Лексическое и грамматическое значение фразеологизма, составляющее смысловое содержание его, немислимы вне формы, поскольку фразеологизм как качественно определенная языковая единица представляет собой единство формы и содержания.

Фактически каждый конкретный фразеологизм обнаруживает свою языковую природу наиболее полно и отчетливо в реальном речевом употреблении. Он реализуется как единица языка со всеми особенностями в своих отношениях и связях со словами в речи. Эти отношения и связи для каждого фразеологизма строго очерчены, строго определены. Исторически они отработаны, как отработаны способы и формы их выражения.

Современный этап развития отечественного высшего образования характеризуется реализацией идеи компетентностного подхода, но практика образовательной деятельности показывает, что положения этого подхода внедряются в образовательный процесс крайне медленно: в частности требуется разработка современной системы дидактического обеспечения для оптимального формирования языковой компетентности. Проблема формирования языковой компетентности является наиважнейшей в современных условиях: активизируется деятельность школ. В этих условиях возрастает роль языкового образования, языковой компетентности и дидактического обеспечения её формирования при обучении фразеологическим единицам.

Однако в педагогической науке нет единых взглядов на совокупность дидактических идей, обеспечивающих эффективное формирование языковой компетентности при обучении фразеологическим единицам.

В соответствии с поставленной проблемой в статье решаются следующие задачи:

- уточнение и осознание новых понятий образовательных стандартов третьего поколения, в частности языковой компетенции и языковой компетентности при обучении фразеологическим единицам;
- разработка понятий научно-дидактического сопровождения формирования языковой компетентности при обучении фразеологическим единицам [3].

Таким образом, можно отметить, что важным становятся не только знания и умения, но и определенные качества личности, благодаря которым будут конкурентоспособными в современных экономических условиях и общественной жизни. Следовательно, необходимо понимать, что компетенция – это интегральное сочетание знаний, умений и навыков, оптимальных для выполнения трудовой деятельности в современной производственной среде, а компетентность – это способность использовать эти знания и умения в практической деятельности.

На основе проанализированной теоретической литературы нами сделан вывод о том, что следует уточнить и строго определить понятия «компетенция» и «компетентность»; обеспечить формирование языковой компетентности путем разработки соответствующей дидактической системы при обучении фразеологическим единицам.

Поэтому при работе с фразеологическим материалом должна присутствовать занимательность (как один из дидактических принципов). И интерес к слову будет только усиливаться. Учащиеся с удовольствием будут

подмечать тонкие особенности языковых возможностей, улавливать эстетическое воздействие слова и сами стремиться подражать понравившимся образцам.

Реализация языковой компетенции при обучении фразеологическим единицам наибольший эффект дает, когда оно проходит в определенной системе. Каждый учитель должен выработать и продумать свою систему работы, основанную на личном опыте, с учетом условий, в которых он работает, продумать, в каком классе, какой тип упражнений можно предложить учащимся, сколько фразеологизмов на уроке следует рассмотреть, как соотнести фразеологический материал с изучаемой грамматической темой, как обеспечить закрепление рассмотренных фразеологизмов [2].

Грамматические трудности связаны с ограничениями употребления ФЕ в различных формах. Учет названных трудностей положен в основу создания системы упражнений по введению ФЕ в речь учащихся. Отбор фразеологического материала произведен с учетом лексического минимума русского языка и возрастных возможностей учащихся, а также важным критерием отбора фразеологизмов является принцип доступности ФЕ [1].

Библиографический список

1. Ставская, Г.М. Работа над фразеологизмами в системе развития речи и общего развития учащихся // Начальная школа. – 2018. – № 12.
2. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка./А.И.Молотков. – М., 1987.
3. Оглуздина, Т.П. Развитие содержания понятия «языковая компетенция» в истории лингвистики и теории обучения иностранным языкам / Т.П. Оглузина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 2 (104). – С. 91–94.
4. Сыдыкбаева, М.М. Языковая компетенция как совокупность знаний и способностей // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LXIII междунар. науч.-практ. конф. № 4(61). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 65-72.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2021–2022 ГОДАХ**

Дата	Название
20–21 ноября 2021 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2021 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2021 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2021 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2021 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2022 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2022 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2022 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2022 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2022 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2022 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2022 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2022 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2022 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2022 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
3–4 марта 2022 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2022 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2022 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2022 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2022 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2022 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2022 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2022 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2022 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2022 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2022 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2022 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2022 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2022 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2022 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
15–16 мая 2022 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2022 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2022 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2022 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2022 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2022 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2022 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы

25–26 сентября 2022 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2022 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2022 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2022 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2022 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2022 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2022 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2022 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2022 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2022 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2022 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2022 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2022 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2022 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2022 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2022 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2022 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2022 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor – 0,966

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank

CLASSICAL AND CONTEMPORARY LITERATURE: CONTINUITY AND PROSPECTS OF UPDATING

Materials of the VI international scientific conference
on November 7–8, 2021

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 17.11.2021.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 2,3.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору